

БОРИС ГОЛУБЧИК (США)

Оригами

Сложи меня, как оригами.
Журавликом - "курлы-курлы".
Шероховатыми краями
сойдутся острые углы.

Стихов чернильные зигзаги
растают в небе голубом.
И лист исписанной бумаги
в полёте выгнется крылом.

Сложи меня, как оригами,
из старого черновика.
Я буду задевать локтями
бумажными
за облака.

Как хорошо, что я вчера не умер.
Твой звонкий смех, как телефонный зуммер,
весёлой трелью утро разорвал.

Уходит ночь, а я ни сном ни духом,
когда целуешь ласково за ухом,
поддерживая тайный ритуал.

В такую рань тебе опять не спится.
Летаешь по квартире певчей птицей,
по комнатам несётся: "чик-чирик".

Меня ведёт на кухню запах кофе.
Ты здесь гнездишься в старой тёплой кофте,
к которой я до чёртиков привык.

Ползёт в окне рассвета черепаха.
Я в кофе не бросаю больше сахар,
предпочитаю сладость милых губ.

Без сахара и сложных мотиваций,
на кухне очень просто целоваться,
доказывая всем - я однолюб.

Когда ты обнимаешь мои плечи,
я сожалею, что мой век не вечен,
и эта данность мне не по нутру.

Меня спасает то любовь, то юмор,
как хорошо, что я вчера не умер.
Надеюсь я и завтра не умру.

Слышу

Слышу.
Через окно, через дверь, через мокрую крышу.
Я тебя слышу.
Не повторяй моё имя
губами сухими.
Просто молчи, не давай ни малейшей надежды.
С радостным шорохом ваши сползают одежды.
Не говори со мной, ибо
ты сделала выбор:
Быть его рыбой.
Трофеем.
Добычей.
Уловом.
Я тебя слышу,
но не говори мне ни слова.

Вижу.
Сквозь ветер, сквозь тьму, сквозь кофейную жижу.
Я тебя вижу.
Ночь стюардессой баюкает как в самолёте.
Вы не уснёте.
Вот он идёт лабиринтом твоих подворотен.
Вот он скребёт языком о твоё перепутье.
Черт с вами! Будьте!
Вместе.
Раздельно.
Постельно.
Наивно.
Капризно.
Я тебя вижу,
но ты не смотри с укоризной.

Знаю.
Ты Маха, Афина, Венера, Юнона, Даная.
Я тебя знаю.
Как же мне жить ежедневно тебя забывая?

Я проглочу свою гордость...
Родная.
Родная.
Родная

СЛАВА БАШИРОВ (ИЗРАИЛЬ)

такого марта не было давно
в стране, текущей молоком и мёдом
и на душе темно, и всё равно
куда отправиться по тёмным водам

куда бы ни попал, как кур в оцип
нелепостей разгадывая ребус
вдруг вспомнится безумный запах лип
иль это слово странное, троллейбус

который кулачками в провода
вцепился, но один идти не хочет
давай возьмём его с собой туда
где беглый дождик лужицу щекочет

по улице недлинной в бедный сад
пройдём вдоль памяти сентиментальной
где липы носят праздничный наряд
сочится мёдом полдень беспечальный

туда, в первоначальный, жалкий быт
в полуподвальный наш, обетованный
где время, как ребёнок, сладко спит
и жизнь ещё не знает расставаний

такая нынче выдалась весна
зимой теплее было и яснее
вдруг вспомнилось, была ещё страна
и чёрт бы с ней, да нам туда же, с нею

в окне торчит горчичная луна
всё самое больное отболело
но снова, как блудливая жена
жизнь обманула и пошла налево
ночь мёртвая, а боль ещё жива

ещё недавно был силён и зол
повелевал дождями и ветрами
он ждёт, когда подействует укол
тарашится луна в оконной раме
на то, как пациент и слаб, и гол

он бредит, и на жёлтое пятно
глядит, как вспыхнуло и полыхнуло
огромное и жуткое вздохнуло
и глухо громынуло, и трянуло
и распахнуло в черноту окно

там парусину разрывает гром
деревья сотрясаются от гнева
дрошь пробегает по отрепью крон
и он летит сквозь бурю, напролом
в растреснутое молниями небо

режиссёр в этом фильме дерзко срывает покровы
обнажает сокрытое, разрушает стереотипы
получается всё исключительно (в смысле хреново)
неразборчивые диалоги, вскрики, выплески, всхлипы
неопрятные сцены, неприбранный быт суровый
неприятная музыка, хрипы, грохоты, скрипы
(недовольные зрители, конечно, давно ушли бы
кабы не щекотанье инстинкта глупого, основного)

человек без всего и красавица без одежды
в голой комнате, лёжа на голом полу, хохочут
(на своём языке герметичном автор, наверно, хочет
рассказать что-то личное, да вы не поймёте, невежды)
человек без надежды, будущего и цели
счастлив этой минутой близости с человеком
словно что-то в чужом и таком совершенном теле
может стать на бессмысленные вопросы ответом

непонятной метафорой на стене чучело рыбы
как живое, но дохлое, персонаж говорит: здорово
(недовольные зрители, конечно, давно ушли бы
кабы не это самое, повторяемое снова и снова)
непонятными символами облака на обоях слоновьи
режиссёр что-то хочет сказать, да кому интересно
будто зрителю нужно что-то, кроме сцены с любовью
он не ищет духовных глубин в оболочке телесной

человек-неудачник, к потерям давно привычный
принимает всё в этой жизни, как чрезвычайную тайну
обнимаясь с прекрасной и незаслуженной добычей
понимает, что в этом кино оказался случайно
ни в каком другом она бы с ним не смотрелась
(все давно бы смотались, когда б не её изгибы)
он чего-то несёт и она смеётся, такая прелесть
каждый зритель ревнует её к неприятному этому типу

оператор трясущимися руками, видать, с похмелья
трансфокатором наезжает на тело всё ближе, ближе
(человек и красавица, прочитали бы зрители на афише
если б только афиша существовала на самом деле)
выше облака на стене, выше облака в небе
взявшись за руки, летят на манер шагала
сценаристка стакан со скотчем швыряет в гнев
написала такую херню, жутко тогда зашибала.

если рыба висит на стене, то в последнем акте
у героя нет выхода, как застрелиться из рыбы
(впрочем, акта ни одного режиссёр не надыбал
и конечно, поэтому провалилось кино в прокате)
если б зрители раньше времени не ушли бы
то увидели бы, с объяснимым вполне раздраженьем
вот сидит человек, как дурак, потирая ушибы
будто с неба свалился, с таким на лице выраженьем

ДИНА ДРОНФОРТ (ГЕРМАНИЯ)

Мир – подневольное зеркало –
горькие лица.
Что-то не так и со стрелками –
им не стоится.
Время менять декорации
цвета потери.
Мне бы понять, разобраться бы –
лязгают двери
немилосердно, по пальцам и
сыплются боем.
Нам удалось переправиться,
жаль, не обоим.
Стрелки споткнулись на имени,
встали бескрыло.
Я – амальгама безвинная
горького мира.

ГОЛУБЬ

Нахохлился голубь в листве – ни гнезда, ни подруги.
Куда же теперь бедолаге от ветра укрыться?
Кому приголубить? В окне равнодушные лица.
Смеркается. Прочат дожди, листопады и вьюги.

Ещё не уверена, хочется ли в голубицы,
открою фрамугу, насыплю заманчивых крошек.
Давай скоротаем часок, прожитое итожа –
не слишком ты горный орёл, но и я не жар-птица.

Смородинным глазом на крошки мой голубь косится.
Доверься кормящей ладони! Ты встрёпан и мокр.
Сермяжное чувство – надолго ли? – тёплого бока...
Не будем загадывать – пусть оно длится и длится.

МАРТОВСКИЙ ДОЖДЬ

В Европе март – провисло небо,
тяжёлых капель тьма густая.
Газета врёт, в журнале небыль –
агит и проп. Но неустанно
стучит по стёклам дождь-свидетель –
на спины бременем ложится –
по просвещённым нашим лицам
течёт славянской брани пепел.
Откуда родом тучи эти
я не заметил, ты не понял.
Всё переменчиво, как ветер.
Но не отмыть уже ладоней.

ЕЛЕНА БУЕВИЧ (УКРАИНА)

ЯВЛЕНИЕ ЦВЕТУЩЕГО АБРИКОСА

Он первый, он самый отважный,
он чует, что будет теплей,
и шмелик однофюзеляжный
поверил ему, дуралей.

И бабочка, la mariposa,
не зная прогноза вполне,
мерцает в столпе абрикоса,
на светлой его стороне.

Все вместе они обязались
втянуть меня в эти дела —
летать, любоваться на завязь,
сулить наступленье тепла.

МОСТ НА ДРИНЕ

Боже, Боже не отвержи,
не отвержи, не отрини.
Я хочу увидеть тоже
мост на Дрине, мост на Дрине.

Бросить камешек в глубины
(пусть в зелёный невод внидет!),
слушать гомон голубиный,
на мосту стоять и видеть,

как заря горит на Дрине,
как румянить крыши радо
солнце в облачной перине,
выше града Вышеграда...

Я забьюсь в твою корзину,
пусть ещё помедлит кара,
отнеси меня на Дрину,
как мальчишку-янычара.

И несомая на встречу,
из-за леса, по-над кручей,
я засну и не замечу
жизни страшной неминучей.

НАПЕВ И КАМЕНЬ

Умирают легенды, забываются мифы,
исчезают напевы сладчайшие, лучшие,
мировые сюжеты — Орфеи, Сизифы, —
единичные случаи.

Будто всё поразил неизвестный недуг,
навалилась усталость, и это не лечится,
будто тихо прощается всё человечество
с человечеством, друг.

Но куда невидим, но непререкаем,
в небесах нависает обещанный Сад,
мы с тобой напеваем, и камень толкаем,
озираясь назад.

ИГОРЬ ВОЛОШИН (США)

Всплески

Июльского неба поблекший простор,
 Ленивая марь на тропинке,
 И суетной белки летящий восторг
 В пружинной натянутой спинке.
 Как будто по прошлому тропка бежит
 Сквозь шалости юности давней,
 Но мысль почему-то тревожно стучит -
 Не трогай священные камни.
 Не трогай все то, что забыть суждено,
 Что радостью было и било,
 Тебе возвратиться туда не дано -
 Там время навеки застыло.
 Холодная дымка незримо легла,
 Окутав любимые плечи,
 И жизни не хватит дойти до угла,
 Где были желанные встречи.
 Очнуться бы резко и дымку смахнуть,
 И взгляд задержать на далеком,
 Чтоб стала понятна вчерашняя суть,
 И больно ударило током.
 Все было когда-то, в мелькании лет
 Рассеянной памяти всплески...
 Скрывают из прошлого меркнувший свет
 Задернутые занавески.

Поток

Меня невидимым потоком
 В еще неведомую даль
 Несет не признанным пророком
 Иль неопознанным пороком
 Суровый, призрачный мистраль.

Но мысль навязчиво тревожит -
 Кто ждет меня в конце пути,
 Мои поступки подытожит,
 Назначит бомжем, иль вельможей,
 Иль херувимом во плоти?

Заслуг за мной, увы, немного -
 Коптил бездарно небо зря,
 Но жизни брэнная дорога
 В руках безжалостного бога -
 Безбожника и блатаря.

Он в бешенстве в себя не верит,
 Срывает с куполов кресты,
 И поселившись в изувере
 Бес обрывает храмов двери,
 И лики троицы пусты.

Но мой поток пока неспешен,
 Меж явью стелется и сном,
 О скалы эхом бьется - грешен,
 Парю потешно безутешен
 В своем чистилище родном.

Майская гроза

Гроза ревела за стеной,
 метались в молниях знаменья,
 судеб разорванные тени
 звенели лопнувшей струной.

Какой там сон, коль до рассвета
 дожить в уме не суждено,
 и билась бешенно в окно
 охапка яблонева цвета.

Красою майскою маня
 она вспорхнула белой стаей,
 но нынче ночью облетает,
 хоть жизни было ей три дня.

Все тише треск, все дальше вой,
 сломил тревожный сон тягучий,
 а в нем растерзанные тучи
 и легкий дождь по мостовой.

А в тучах бледная луна -
 ночных автобусов подруга -
 скользит по замкнутому кругу,
 прервать который не вольна.

МАРК ШЕХТМАН (ИЗРАИЛЬ)

БАЛЛАДА О КЛАРНЕТИСТЕ

Всё ряды на базаре да лавочки,
А у входа, как странный сон,
Человек во фраке и в бабочке –
И толпа с четырёх сторон,
И внимает она до одури,
Как в иной ипостаси души
Кларнетист Тель-Авивской Оперы
Музицирует за гроши.

Над толпой мотив извивается,
Завораживает, гнетёт...
Раз в неделю он отправляется
В Хайфу, Тверию или в Ашдод,
И с собою не фирменный возит он
Чёрный с золотом свой кларнет –
Костяную, колена козьего,
Дудку чуть не библейских лет.

Он обычаю свято следует,
Богу клятву дав потому,
Что от рук отцовых и дедовых
Эта дудка досталась – ему!
И, как гены неандертальцев,
Что глубинно таятся в нас,
Сами правят душой и пальцами
Острия музыкальных фраз.

Так пляши над торжищем мусорным,
Память-музыка, всё быстрее,
Ты, чей автор не Моцарт, не Мусоргский, –
Авраам, Давид, Моисей!
Ты полна пастушьего свиста,
Бурь и засух! Твой нор лют!

Плачут, слушая кларнетиста.
Плачут, слушают, подают...

ФЛАМИНГО

Фламинго был похож на нотный знак –
Как будто Бах в заношенном халате,
Склонив над партитурой колпак,
Черкнул пером на розовом закате.

Мой век мне много чудного явил,
Но никакая музыка не пела,
Как эта, где строку благословил
Небесный ключ фламингового тела.

В изгибах шеи, в линиях крыла
Иных миров здесь царствовали меры,
И в их непостижимости была
Соединённость грёзы и химеры.

И столь полна возвышенных тревог
Казалась мне пернатая токката,
Что я подумал: это Бах и Бог
Играют вместе музыку заката!

А птичий клюв, гармонию презрев,
Зарылся, чёрный, в радужные пятна;
И был фламинго – как живой напев,
Как фуга, что светла и непонятна...

СТИХИ О МОЛЧАНИИ

Горький сон мне явился сегодня под утро некстати,
Что поставлен я паузой в Божьей великой сонате
И меня, как скалу, огибают летучие звуки,
Простирая в пространство прозрачные крылья и руки.

Мне ли критиком быть высочайшей Господней работы,
Где в прекрасном согласии встали прекрасные ноты?
Но надмирный Маэстро, увы, не узнает, что значит
Быть молчащим меж тех, что смеются, поют или плачут.

Я себя утешаю: молчание необходимо!
Ведь недаром так чудно немое отчаянье мима,
И затишье заката, и ночь, где ни ветра, ни звука...
Ах, не верьте, не верьте! Быть паузой – тяжкая мука.

И что мудрость в молчанье – вы этому тоже не верьте,
Потому что звучать – есть отличие жизни от смерти,
Потому что иначе идти невозможно по краю!
Может быть, я проснусь... Может быть, ещё что-то сыграю.

НИНО САКВАРЕЛИДЗЕ (ГРУЗИЯ)

Марбург

Кончается время на старом аббатстве.
Деревья подлунны. И вечер подложен
Под них. И стары обещания братства.
Все в прошлом. И «Марбург» написан и прожит.

Ушли в седину корпорантские шрамы.
Расчетлив покой, бережлив, осторожен.
Скрипучи двойные оконные рамы,
Озяблы. И «Марбург» написан. И прожит.

И нет на стекле запотевшем приметы
Бессонной тоски, неприютной, острожной.
Примятое книгой, отпетое лето
Пылится. И «Марбург» - написан и прожит.

И скрипки... а может, под липой качели
Всю ночь ворожат. И щемящ и тревожен
Их робкий мятеж в листопадной метели.
Смеркается. «Марбург» написан. И прожит.

Весомы слова. И разборчивость почерк
Почти приручил. И надежды безбожны
На бога. По клеткам размеченным точки
Расставлены. «Марбург» - написан. И прожит...

Стены сдвинуты...

Стены сдвинуты. Вот она - белая месть мудреца
Или последняя пристань растерянной книжности.
И пустота неизбежности. Но до конца
Перемещения я достою в неподвижности.

Не дожидаясь - вживаясь, вращая в творца
Перестановок. И в ноги моей виноватости
Съехавший стол опрокинется навзничь с торца
И неуклюже смутится своей угловатости.

Переселениям передоверив уют,
Из переполненных комнат проемной бесплотности
Преданных птиц с чьей-то легкой руки продают,
Переиначив значение их перелетности.

Не преступление, но - переписан пролог.
Переворотов и смуты слепые предвестники,
Пристальны окна. И перекосившись, порог
Переползает себя и выходит на лестницу.

Сорванной крышей раскатана под ноги жесть.
Прерванным жестом в дверях остановлена вежливость.
Вот она, вот она - мудрости белая месть.
И перепутье. И пустоты неизбежность.

Украли молодость

Украли молодость. Вчера.
Как будто свистнули собаке.
И в наступившем полумраке
Она рванулась со двора.

И закружилась в переулке,
И заметалась на ветру.
Как будто поманили булкой,
Затеяв глупую игру.

Она ныряла в подворотни,
Сквозь эстакаду, вдоль реки -
Все дальше, злей, бесповоротней,
Так далеко... и далеки

Те откровения азарта
И в них - сожженные мосты.
Уже вчера, еще не завтра,
Еще не я, уже не ты,

А кто-то третий - бьет кресалом
И искры продает в ночи
В тот час, когда перед вокзалом
Разводят стрелки палачи.

И с семафорным тусклым светом
Равняет линией одной:
Тебя - не ставшего поэтом,
Меня - не ставшую женой,

Вопрос, затерянный в ответе,
Трамвай, прошедший стороной.
Пустую площадь в лунном свете,
Платан за каменной стеной.

Провал ночного перехода,
Где затаился тот, другой,
И ожидание восхода
На ощупь пробует ногой...

Шуршит вечерняя газета
И я из сводки узнаю:
Две строчки - мол, недавно, где-то...
Украли молодость... - Мою!

СЕМЁН ЭПШТЕЙН (ИЗРАИЛЬ)

Когда-то много лет тому назад,
 Когда друг друга называли "брат",
 Когда был мир один и хлеб един,
 Когда дожить мечтали до седин,
 Пока нас зло с тобой не развело,
 Пока ты различал добро и зло,
 Мы были вместе, а теперь поврозь.

Уже красна от крови речка Рось,
 И не звучит во храме: "Не убий",
 И поднимает веки мёртвый Вий,
 И над толпою властвует тиран,
 И кровь стекает из открытых ран,
 И часовыми идола стоят,
 И всё вернулось "на круги своя".

И стукачи – потомки стукачей,
 И палачи – потомки палачей.

Маме

Ты уходишь всё дальше, а хочется плакать всё чаще,
 Четверть века прошло, притупилась, казалось бы, боль.
 Только, что с ней поделаешь с памятью этой кричащей.
 Высыхает слеза, но горчит растворённая соль.

Возвращаюсь к могиле всё реже, ах только бы реже,
 Ничего в этом камне уже заповедного нет.
 Только крики ворон – поднебесья бездушного скрежет,
 Да парад воробьёв на заборе – парадом планет.

Пустоту без тебя не заполнят ни дети, ни внуки,
 Говорить это – грех, только жизнь не прожить без греха.
 Не могу рассказать, как мне горько от этой разлуки.
 Тесно бедным словам на Прокрустовом ложе стиха.

Лампада заката в закрытом окне,
 И ветер, что только на Севере вечен.
 Таким этот вечер запомнился мне –
 Последней печальной нечаянной встречи.

Меж нами дороги, границы, кресты
 И годы, что прожиты в долгой разлуке.
 Упрямая память наводит мосты,
 Но даже мостов опускаются руки.

Кому посылать запоздалый укор?
 В далёкую юность письмо не отправить.
 Судьба – это выбор, а жизнь – приговор,
 Нельзя отменить, невозможно исправить.

НАТАЛЬЯ ОРЛОВА (РОССИЯ)

ЧЕЛОВЕК

Силы природные, косные –
Крепче ободьев хранят,
Держат года високосные,
Не выпускают подряд.

Веет небесная мельница
Дней дармовое зерно –
Ну-ка, мука обесценится, –
Стаду пойдет, на гумно!

Чтоб закипело в подойниках
Новой судьбы молоко,
На вековых подоконниках –
Стало от правды светло.

Чтобы телята с коровами
Тыкались мордами в свет,
Чтобы созвездья – подковами –
Главный спасали секрет.

Вечности дуги очерчивай,
Мысли пускай косяком,
Как первоклассник доверчивый,
В класс заглянувший тайком.

В шапке-ушанке, да в валенках –
Вот он сегодня каков –
На межпланетных завалинках,
Полных нездешних цветов.

Неизъяснимый, сомнительный –
Чей-то случайный каприз –
Глянь! – словно в люльке строительной,
Над мирозданьем повис.

СУДЬБА

Сколько б ни жили люди –
Незаменим народ,
Сколько еще прибудет,
Сколько еще преидет.

Так ли пойдет, иначе –
Мысль твоя далека,
Не отдадут, не спрячут –
Даль свою и снега.

Дышит вода в колодцах,
Гулкая, словно речь,
Общая песнь поется,
Время стоит – до плеч.

Ходит припев по кругу,
Словно горячий хлеб,
Холод времен и вьюгу –
Числят в Книге Судеб.

К дому летит зегзица –
Помощь и весть подать,
Многое приключится –
Не возвратится вспять.

И на просторах братских
Новая встанет Звезда –
Гениев азиатских
Стремительная череда.

НЕВЕЧЕРНЕЕ

У нас по полгода – царь-снега,
Не прощаемся, и уехав,
Едим – от общего пирога –
Пушкин, Толстой, Чехов.

Любим в толпе – махать рукой,
Акать в сердцах да окать,
Встретивши – в суতোлке людской –
Взгляд веселый да локоть.

Давит отвесной горой – Китай –
Жаром людской стремнины,
Но – подпирают ползущий край –
Люди, медведи, льдины.

Близится бешеный разворот –
Дай оглядеться – где мы?
Передаются – из рода в рода –
Крыши, века, поэмы.

Стало в небе – белым-бело,
Сделался Горьким – Пешков,
Это Время – Вием вошло,
В сонной воде помешкав.

Сдвинулся челюстью – дней Устав,
Да не к чему, ей Богу!
Будто невидимый Костоправ –
Дернул больную ногу.

Сколько рухнуло – боли и лжи,
С нами впервые это,
Как больной отчаявшийся лежит –
Наша, до слез, планета.

ТАТЬЯНА ИВЛЕВА (ГЕРМАНИЯ)

* * *

*В 2011 году в Казахстане вышла
марка с изображением грача.*

В зыбких снах брожу по пустырю,
Неотступной думаю объята:
– Ни сестры, ни брата, – говорю,
Ни тропинки, что ведёт обратно –
В стéпи, где целебный зреет мёд,
Где цикады распевают песни,
И цикорий звёзд в ночи цветёт,
Освещая пики гор Небесных.
А проснусь – не помню имена
Этих гор, страны, сестры и брата...
Ускользнула – глазу не видна –
Та тропинка, что вела обратно.
Да и сердце вешнее молчит,
Сердце горевать в груди устало.
– Забывай! Бывай! – кричат грачи,
Сделав круг над горным перевалом.

ВИЗИТ К ЭСКУЛАПУ

Ovilis uniusque Pastoris

Ах, ну где найти мне капли
или, может быть, микстуру,
в крайем случае – таблетку
от печали и тоски?
– Милый доктор, помогите,
подскажите, пропишите
чудо-капли и микстуру,
и пилюли заодно!
Мудрый Medicus, услышьте,
добрый доктор, постарайтесь:
дайте мне медикаменты
от недуга моего!!!
Мудрый доктор смотрит грустно,
отвечает не по-русски:
– Я не ведаю, mein Herzchen,
чем полезен быть могу...
О, у Вас диагноз трудный,
нипочём не излечимый,
неприступный, не подвластный
лучшим в мире докторам!
Ваш диагноз на латыни
обозначен: «Nostalgie» –
Nostalгия по ушедшим –
безвозвратно! – временам...

Сколько пройдено – много ли, мало?
След засыпан прогорклой золой. –
Знать, звезда кочевая устала
Между небом гореть и землёй.

Впереди плещет сумрак безбрежный,
Не пробьётся в нём луч маяка.
Но – чем сумрачней, тем безмятежней
Сны, что видятся издалека.

И всё явственной голос нездешний,
Тихий, словно камыш у пруда,
Вопрошающий: «Камо грядеши?..» –
Ах, да если б мы знали, куда!

ХАНОХ ДАШЕВСКИЙ (ИЗРАИЛЬ)

Нет ничего печальнее любви,
 Когда она приходит слишком поздно.
 Забудь меня и, как цветок, живи:
 С луной играй под крышей неба звёздной.
 А я уйду. И унесу с собой
 Твои глаза в предутреннем тумане.
 И будет этот сумрак голубой
 Напоминать о незакрытой ране.
 Сойдутся дождевые облака,
 И в день ненастья, в грустный день осенний
 Увижу я тебя издалека,
 Но не смогу обнять твои колени.

Настанет утро, и взойдёт звезда
 Над лесом, где безмолвие царит,
 И всё пространство инея и льда
 Она мерцаньем тусклым озарит.

И побредёт унылая толпа,
 Скользя по снегу из последних сил,
 И встанет там, бессильна и слепа,
 Где ангел смерти крылья распустил.

И раздеваться будут, словно в зной,
 И обрести наследный свой удел
 Они пойдут, сверкая белизной
 Ещё живых, ещё дрожащих тел.

И после них не запоёт певец
 Пернатый в этом проклятом лесу,
 И если солнце выйдет наконец –
 То лишь собрать кровавую росу.

Ребёнок, мать за руку теребя,
 Через секунду с нею рухнет в ров.
 Любовь моя, сегодня и тебя
 Я вижу на развалинах миров.

Я вижу, как идёшь по снегу ты
 Далёкая и чуждая всему,
 И прижимаешь мёртвые цветы
 К ещё живому сердцу своему.

Я не могу помочь тебе никак,
 Не перейду невидимый порог.
 Один, всего один неверный шаг –
 И бездна раскрывается у ног.

И ты уходишь. Время истекло.
 Мы ничего не можем изменить.
 Ведь прошлое разбито, как стекло,
 И не связать разорванную нить.

Проснутся сосны в утренней смоле,
 Появится и не исчезнет свет –
 И только брызги крови на земле
 Останутся, как брошенный букет!

В тот день, когда погас твой взгляд,
 Над потускневшим морем встал
 Тревожный скомканный закат
 И солнце сплющил, как овал.

И я за сумрачной стеной
 Не видел полосу зари.
 И ночь стелилась надо мной,
 Не зажигая фонари.

И о тебе ни слова мне
 Латунный месяц не принёс,
 А сам в межзвёздной глубине
 Он только ширился и рос.

Я думал – ты ушла туда,
 Где запах поля, запах трав.
 Не знал я, что стряслась беда,
 Сосуды жизни разорвав.

Как будто сотни колесниц
 Остановились на бегу.
 И капли слёз из-под ресниц
 Расплылись кровью на снегу.

И ты в преддверии могил
 Ловила взглядом окоём,
 Но отблеск смерти заклеил
 Его железом и огнём.

Не оживут букеты роз,
 Не обратится время вспять,
 И окровавленных волос
 Не загорится снова прядь.

И этих стройных белых ног,
 Которых легче в мире нет,
 На суете земных дорог
 Не отпечатается след.

И только свет прошедших дней
 Мерцать, как дальняя звезда,
 Останется в душе моей,
 И не померкнет никогда.

ИЛЬЯ ФРАНК (РОССИЯ)

* * *

Приснившийся какой-то город,
 Не сотворенный человеком,
 В котором я — ни стар, ни молод —
 На равных существую с веком,

В котором нет старинных зданий,
 Нет современности постылой,
 А есть лишь череда свиданий
 С грядущей будущностью милой —

С затейливой архитектурой,
 Придуманной веселым магом,
 Согласно с моей натурой,
 Меняющейся с каждым шагом.

В Екатерининском парке

Когда тебя уж больше нет,
 Ты можешь погулять по парку,
 Пройдя с того на этот свет
 В Екатерининскую арку,

Заметить золото и сталь,
 Почувствовать осенний ветер
 И уточкам скормить печаль,
 Ненужную на этом свете.

Сон о добром превращении

Покойные папа и мама
 Идут по дорожке со мной...
 Пойдемте, родные, нам прямо,
 Я вас проведу, я живой.

Сначала дойдем до забора —
 И в «дальний» отправимся лес.
 Был дальний, стал близкий: мы скоро
 Придем под прохладный навес.

Насколько меня вы моложе!
 Я много чего расскажу...
 Ну вот, например, ... — но, похоже,
 Я вместо рассказа жужжу.

Все трое, вдруг выдвинув крылья,
 Летим над студеной рекой...
 Не требуют вовсе усилья
 Ни воля, ни смерть, ни покой.